

Коллекция Современной Прозы

Гасан Салихов

В ЧЕМ ГРЕХИ НАШИ

Гасан Салихов

В чем грехи наши

Серия «Коллекция современной прозы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48542606

Салихов Г. В чем грехи наши: Интернациональный Союз писателей;

Москва; 2019

ISBN 978-5-00153-162-3

Аннотация

«В чём грехи наши...» – повесть о непростой жизни и непростых отношениях, о любви и верности, о предательстве и одиночестве. Не вынеся измены близких людей, Андрей уволился и стал работать таксистом. Но разве от себя убежишь? Да и сердцу не прикажешь.

Андрей находит в лесу девушку в полуобморочном состоянии и спешит помочь ей. Постепенно Андрей и незнакомка (Марьям из Дагестана) влюбляются друг в друга.

И всё бы хорошо, если бы не случайные попутчики Андрея...

Содержание

В чём грехи наши...	9
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Гасан Салихов

В чем грехи наши

© Гасан Салихов, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

*** * ***

Салихов Гасан Мирзаевич родился в республике Дагестан (ДАССР), с. Санчи Кайтагского района, в 1954 г. В 1971 г. закончил Маджалискую среднюю школу. Отслужив в армии (ГСВГ), в 1974 году начал свою трудовую деятельность сле-

сарем-монтажником в ДМУС. За перо взялся после 30 лет. Осознав, что для дальнейшей творческой деятельности будет необходимо расширить кругозор, Гасан Салихов решает продолжить учёбу и поступает в ДГУ. Через 6 лет – в 1994 г. – он успешно завершает учёбу на филологическом факультете. Дипломную работу писал по роману Достоевского «Бесы» и защитил на отлично. В 2001 году в свет выходит первая его книга, куда вошли поэмы и стихи. После книги «Заложница любви» были сборники рассказов и пьес – «Семя зла» и «Чужое общество». В творческой биографии автора более тридцати пьес, повести, рассказы, стихи и поэмы. А по драме «Кто виноват?» прошла премьера спектакля на сцене азербайджанского театра. В Дагестанском книжном издательстве вышли две книги «Трагедия души» и «Родная душа». В мае 2017 г. в «ЛИТЕО» г. Санкт-Петербург вышел поэтический сборник «Божий мир», а во второй половине 2017 года – книга «Семя зла». Недавно в городах Изберба-ше, в Махачкале и в других населённых пунктах Дагестана Драмтеатр им. О. Батырая провёл премьерный показ спектакля по драме «Семя зла». Кандидат в члены ИСП. Лауреат и номинант нескольких премий. Победитель конкурса драматургии «Смех сквозь слёзы» в 2018 году. В настоящее время Гасан Салихов живёт в г. Каспийске, Р. Дагестан.

Мы задали вопрос автору повести «В чем грехи наши» Гасану Салихову: «Ваша повесть «В чем грехи наши» – больше вопрос или констатация факта? Нужен ли вопроситель-

ный знак в конце?» Его ответ был: «К сожалению, “констатация факта”». С этой мыслью и начинаем знакомство с произведением.

На первой же странице – измена, предательство, одиночество, боль в груди. Привычный жизненный набор среднестатистического человека. Абсолютно ничего нового. Почему же это повторяется вновь и вновь? Кажется, что автор хочет найти ответ.

Случайная остановка в лесу, по зову сердца, и события начинают развиваться так быстро, что герою повести – Андрею некогда думать, нужно только действовать.

Девушка оказалась в беде, у неё жар, ей страшно и больно. Как часто бывает, что внешний вид не говорит ничего. Люди ходят на работу, общаются с соседями, суеются по будничным делам, но сгорают внутри, умирают медленно. Андрей встретил родственную душу, он почувствовал её боль, как свою.

Её звали Марьям. Ей сложно жить в мире, в котором очень многое «...так у нас принято, понимаешь...»

Каждый человек вправе строить свою жизнь сам, исходя из своих желаний. Но как часто за нас уже все подумали. «Судьбу свою определять и строить может только тот, кто свободен от всяких догм. А догма о неотвратимости происходящего не оставляет человеку выбора, лишая свободы и меняя судьбу. Вера в судьбу подавляет нашу свободу».

Когда идея становится выше человека, тогда происходят

трагедии. Вырываются из этой «системы» только смелые. Марьям была именно такой. Купить билет на поезд, ехать одной и верить, что на пути встретятся только хорошие люди. Происходит именно то, во что мы верим.

Она встречает Андрея. И теперь они друг перед другом. Она – мусульманка, а Андрей – христианин. Препграда ли это для их любви и счастья?

Знакомая история, знакомый сюжет, даже кажется, что знакомые лица, но авторский ответ. В мире существует только одна вера – любить человека. Любовь превыше всех догм. Удивительно, что эти слова вложены в уста молоденькой девушки, которая только начала пробовать мир и жизнь на вкус: «Значит, у меня только одна вера – любить человека».

В чём грехи наши...

Андрей работал таксистом, и сегодня ещё было темно, когда он выезжал из дому, чтобы отвезти клиентов на вокзал. Домой же он возвращался один, ибо к обеду у него был другой заказ, и не было смысла ожидать клиента на обратный путь. Уже рассвело, и весеннее солнце успело прогреть землю, остуженную ночным ливнем. Включив музыку на небольшую громкость, он тихо подпевал любимым песням шансона. Стекло со стороны пассажирского сиденья было приоткрыто, и с улицы, после дождя и утреннего солнца, так и веяло свежестью. И вдруг Андрею с какой-то щемящей, щекочущей в груди тоской захотелось выйти из машины и прогуляться по утреннему лесочку. Воспоминания о прошлом настолько зацепили его за сердце, что он просто-напросто не мог оставаться за рулём. Остановившись на обочине, выбрав для этого подходящее место, чтобы не мешать никому, Андрей вышел и, закрыв машину, вытянулся, похрустев суставами, после чего направился к лесу. Земля была мокрой лишь местами, да и с деревьев влага стекла уже. Как только ступил в лес, он ощутил такую свежесть, что невольно вдохнул всей грудью, да так, что в глазах потемнело и слегка закружилась голова. Конец мая выдался по-летнему тёплым. Для Андрея это был самый прекрасный период года, и душа его ликовала и рвалась в лоно природы, к

свету и теплу, к тайне жизни, к её чудесам...

– Боже мой, какое это счастье – ощутить себя частицей природы... – радостно улыбался Андрей, не в силах никак надышаться. – Какая красота кругом, а мы ничего этого и не замечаем. Мать-природа дарит нам такую радость, а мы... – И вдруг ему стало до боли грустно и тоскливо. – Ох, Андрей, Андрей... – вздохнул он, потирая ладонью грудь в области сердца. Ему пора бы забыть про Елену, которая изменила ему с самым близким другом и, ничего не сказав, ушла к нему. Ему было обидно вдвойне и потому, что предал его боевой товарищ, его самый близкий и верный друг. Не раз смотрели они смерти в лицо и выручали друг друга. А тут... Из-за этого пришлось ему уйти в отставку и вернуться в родную деревню, где и по сей день он живёт с матерью более трёх лет. Увольняясь, в заявлении он ссылался на боевые ранения, но причина была в другом – травма души не давала покоя. Никому он ничего не сказал, а просто ушёл, разом решив вычеркнуть из своей жизни двух любимых людей. Да, легко сказать «вычеркнуть», но... Он никак не мог позабыть их, да и не забыл... Её смех, её глаза, её улыбка всё ещё не давали ему покоя, не раз приходилось ему подавлять глухой стон в груди. А ночью он долго ворочался и не мог заснуть, вспоминая запах её тела и нежные, тёплые объятия. А во сне не давали покоя взрывы и автоматные очереди. Часто снилось, что друг его попал в беду и он, рискуя жизнью, под свист пуль и взрывы спешит ему на помощь, но оказывается,

что близкий друг предал его и заманил в ловушку... Вздрыгнув от ужаса, он просыпался весь взмокший и потерянный... Конечно, нелегко было ему смириться с этой изменой, и он в глубине души надеялся и ждал, что Лена когда-нибудь пожалеет и вернётся. Но годы шли, а он всё ещё оставался один. Более всего ему хотелось, чтобы всё это оказалось просто сном, и, проснувшись, увидеть рядом любимую им женщину – Елену. Но, увы... Да и верного друга ему ох как не хватало. Иногда Андрей ощущал себя таким одиноким – хоть волком вой... Но тут раздавшийся откуда-то женский стон, мольба о помощи прервали его мысли. Ему даже показалось, что это Елена зовёт его, услышав зов его души, – но это он всё ещё был в плену своих чувств.

– Елена! Откуда она здесь?! Не схожу ли я с ума? – Но стон повторился снова и снова. Видимо, кто-то недалеко действительно тихо стонал. Он прислушался. Вот, снова застонали. – Нет, тут явно кто-то есть, – настороженно вздохнул Андрей и поспешил на голос. И вскоре на самом деле обнаружил молодую женщину, почти в беспамятном состоянии. Подойдя ближе, Андрей наклонился к ней:

– Вы... кто?.. Что с вами?..

Увидев незнакомца и услышав чужой голос, она вздрогнула и, с трудом приподняв веки, сделала движение всем телом – но оно плохо слушалось её... Она открыла глаза шире, и Андрей увидел в них страх, как у загнанного в капкан зверька. И тут он вспомнил, что где-то уже видел её... Где

же?.. Ах да! Точно! На вокзале – вчера... Да, это она – эти дико глядящие на людей глаза он и запомнил... Она, словно сорвавшийся из гнезда птеник, жалобно смотрела на всех, как бы изучая и спрашивая, кому бы она смогла довериться и кто бы защитил её. Но людям было не до неё, они проходили мимо – она была им всем чужой. Так же и Андрей прошел мимо, он искал знакомые лица: может, кто-то опоздал на вечерний рейс, и он довёз бы его за полцены. Лучше, нежели возвращаться домой пустым, – будет хоть на что заправиться. И вот теперь вдруг ему стало стыдно, что ради каких-то денег он прошёл мимо и не помог человеку. Ведь было же видно и ясно, что не всё-то тут хорошо, не всё тут ладно – ему ли этого не заметить...

«Как же это ты оказалась здесь, на десятом километре от города? Что это с тобой случилось?» – думал Андрей, наклонившись помочь ей.

– Пожалуйста... не трогайте... отпустите... оставьте меня... пожалуйста... я... – вздохнула она и потеряла сознание, повиснув, как срубленная ветвь, на руках Андрея.

– Да ты же, девушка, вся горишь!.. – Андрей взял её на руки и поспешил к машине. И уже по дороге он обратил внимание, что незнакомка очень милая, стройная и молодая девушка – лет под двадцать, не больше. (Вот так мы и проходим мимо, не замечая друг друга и даже не задумываясь о том, что это, быть может, судьба наша...) Прижимая её к себе, он ощутил жар, что шёл от её тела, и понял, как силь-

но все эти годы не хватало ему женщины – женской любви и нежности. «А может, красавица, и ты так же одинока и несчастна, как и я? – подумал Андрей, изучая её пылающее от внутреннего жара лицо. – Неужели и тебя кто-то бросил, предав, как и меня?.. Или... Да о чем это ты, Андрей?.. – укорил он себя. – Надо как можно быстрее помочь ей, везти её к маме, а мама знает, что делать, – она непременно поможет ей... Непременно».

Мать Андрея, Таисия Николаевна, овдовела рано, в сорок пять лет, но замуж во второй раз так и не вышла – сын был для неё всем. А муж её, отец Андрея, Олег Анатольевич, погиб в автоаварии – в его «Жигули» врезался джип. За рулём того джипа сидела молодая девушка, в крови которой в бешеном ритме играл алкоголь после пикника на природе... Но богатый папа девушки сделал всё, чтобы виновным признали отца Андрея, хотя вылетела навстречу его дочь... С мёртвого какой спрос – он всё стерпит... Андрей же узнал о трагической гибели отца уже после похорон. А когда Андрей вернулся домой насовсем, прошло ещё немало лет, Таисия Николаевна так и жила одна. И теперь она была рада тому, что сын рядом. Конечно же, Андрей не мог не замечать и не видеть, как страдает мать, как ей одиноко и тяжело, но... Ну и что? Что он мог сделать? Как мог ей помочь, если... Как только он заводил с ней разговор на эту тему, мать расстраивалась ещё более и плакала.

– А чему мне радоваться, сын мой, если тебе давно уже за

тридцать лет, а ты всё бобылём ходишь? Скажи мне...

– Ну что ты опять за своё, мама? Что я поделаю, если не люб мне никто, а так, просто жениться, я не хочу. – И с улыбкой обнимал её. – Мне и так неплохо, мама. Работа у меня интересная, общаюсь с разным народом, узнаю про их жизнь... – смеялся Андрей, после чего серьёзно заключал: – Это тебе, мама, замуж надо было давно ещё. Столько достойных мужчин добивалось твоей руки, а ты... Я знаю о том, как и то, что тоскливо тебе и одиноко.

– Нет уж, я Олегу была верна и останусь верной до смерти своей. А то что я скажу ему, когда встречу с ним на том свете?

– А кто тот свет-то видел?... – вздыхал Андрей. – Да и кто знает, что нас ждёт после смерти... Думаю, что и отец не захотел бы, чтоб ты страдала в одиночестве. Я и сам, случись такое, не хотел бы, чтобы моя любимая женщина осталась одинокой.

– У меня есть ты, сын мой!.. Ты – и радость моя, и смысл моей жизни. Я внуков хочу, понимаешь, внуков... Бабушкой хочу стать, нянчить детей твоих...

– Ну откуда же я их возьму тебе... – хотелось крикнуть в ответ, но Андрей лишь виновато улыбался, молча обнимая маму. И, как бы оправдываясь, тихо, как когда-то в детстве, говорил: – А я боюсь, что когда у тебя появятся внуки, то всю любовь свою отдашь им, а меня не станешь и замечать. Твоей любовью я и живу, мама...

— А я, сын мой, боюсь, что так и умру, не понянчив на коленях детей твоих. — И хотелось добавить: — Вот что больше всего пугает меня. Видимо, проклятие всё ещё висит над нашей семьёй... — но сдержалась. Конечно, о проклятии знал и Андрей, но он не был суеверным и даже не вспоминал об истории, которую слышал не раз. В жизни своей он навиделся таких историй, что... Но зато мать никак не могла забыть о ней, хотя, когда всё случилось, ей не было ещё и семи лет. Выросла она в детдоме, окончила медучилище и всю дальнейшую жизнь проработала фельдшером в родной деревне мужа, где они и поселились после бракосочетания. И даже в той трагедии с автоаварией, в которой потеряла мужа, она винила себя, считая это последствием того же проклятия. А история была такова.

Маму Таисии Марию ещё в возрасте семнадцати лет выдали замуж за нелюбимого. И случилось так, что она безумно влюбилась в местного прораба Ивана Скуратова, у которого возглавляла бригаду маляров. Чувства оказались взаимными, и они начали тайком встречаться. Даже дочь Таисия, которой не исполнилось ещё и шести лет, как бы мама ни любила её, не смогла удержать Марию и спасти от сетей этой страстной и пагубной грешной любви. И Мария, словно в омут с головой, окунулась в неё. И всё бы ничего, но Мария понесла от Ивана. А когда убедилась в том и прошло какое-то время, поделилась этой тайной с близкой подругой. Но, как мы знаем, почти любая тайна, ставшая из-

вестной другому лицу, со временем перестает быть тайной и рано или поздно – дверь открывается. Так и дошли слухи до мужа Марии Николая. Николай не мог поверить в такое – это стало шоком и трагедией для него. Весь мир сошёлся для него в этом вопросе. Он не находил себе места и, оставив все дела, бросился искать прораба и жену. Когда он в бешенстве своём ворвался в кабинет прораба Ивана Скуратова, то, застав его вместе со своей Марией, в гневе набросился на них и убил на месте. Узнав о том, на место трагедии прибежала жена Ивана Дарья и, в слезах, в горе и отчаянии, прокляла Николая и весь его род. Николая посадили в тюрьму, и больше о нём никто и никогда не слышал. Правда, в одно время прошёл слух, что в тюрьме Николай повесился, но вскоре к этой истории потеряли интерес, и всё утихло. Вот так в одночасье Таисия и осиротела. И стал родным уголком для неё детдом. Да и сама Таисия рада бы позабыть о той истории, которая внезапно лишила её родных и счастливого детства. Но после смерти любимого мужа, ставшего для неё самым близким и родным человеком, и развода сына с любимой женщиной она снова вспомнила о проклятии, считая это причиной всех бед и невзгод в их жизни. Одно только и утешало, что сын вернулся домой живым и невредимым. Но человеку свойственно желать и хотеть лучшего. И она каждый день втайне от сына молилась перед иконой в спальне своей, чтобы Господь всемогущей рукой отвёл любую беду от них и одарил её хорошей невесткой и внуками. И будет

благодарна она Ему в том, и не перестанет молиться Ему и преклонять колени до скончания века своего. И нет ей счастья иного, да и не надо. И каждый раз, когда она завершала свою мольбу, глаза её были на мокром месте.

Вот и сегодня она только что завершила свою молитву, когда внимание её привлёк шум у порога дома, и Таисия Николаевна, поднявшись с колен, поспешила на выход. В дверях стоял Андрей и, прижимая к груди, держал на руках молодую женщину, почти девочку. Лицо было светлое, но пылало жаром. Таисия вначале обрадовалась, увидев девушку на руках Андрея, но потом испугалась, обратив внимание, что она не в себе, – то ли в бреду, то ли в обмороке.

– Ты что... сбил её?! – испугалась она.

– Да нет, мама, – поспешил он успокоить её. – Я нашёл её в лесу... Ну... после обо всём, мама, после... – засуетился Андрей, проходя в дом. – Приготовь ей постель – у неё жар... В бреду она, мама, и всё просит, чтобы не трогали...

– Пожалуйста... не надо... – металась девушка, слабо шевеля губами и шумно дыша. Таисия уже взяла себя в руки, засуетилась, и через некоторое время неизвестная была в постели, а мать с сыном заботливо ухаживали за ней. Но как бы старательно они ни помогали ей, девушка ещё несколько дней не приходила в себя и пребывала на грани жизни и смерти. И Таисия теперь всё время молилась о её спасении. Третий же день и вовсе оказался кризисным – у неизвестной случился выкидыш. Но и после этого девушка ещё дня три

не приходила в себя. И только на седьмой день она открыла глаза и тихо спросила:

– Кто вы?.. Где я?..

– Господи, дочка, ты пришла в себя... ты заговорила!.. – радостно воскликнула Таисия и кликнула Андрея: – Андрей... Андрей... она пришла в себя!.. – А когда прибежал Андрей, в глазах неизвестной вновь отразился страх, она невольно вжалась в подушку. – Не бойся, доченька... Это мой сын Андрей. – Таисия поняла, что девушка сильно напугана: «Кто знает, что случилось с ней?» Мать взяла сына за руку и, нежно дотронувшись до девушки, улыбнулась. – Это Андрей, возвращаясь домой из города, нашёл тебя в лесу – и вовремя. Ты промокла под дождём, так что простыла и схватила сильное воспаление лёгких. Но, слава Богу, всё уже позади, – снова улыбнулась Таисия. – И тебе повезло, что попала к нам: я – фельдшер. Видимо, Господь любит тебя, что направил к тебе сына моего...

– Вы... вы мне поможете?.. – Девушка хотела приподняться, но она была ещё очень слаба и тихо застонала. – Пожалуйста...

– Лежи... лежи... – успокоила её Таисия Николаевна и снова улыбнулась ей как родному человеку. – Конечно, родная наша. И Господь поможет, и помогает... – вздохнула она, подумав: «Если б сын мой Андрей не остановился на том месте...» – но продолжать мысль свою не стала. Просто ни о чём плохом ей больше и думать не хотелось. Раз Господь

всё так устроил, то, значит, Он сжалился над ними: «Господи... Спасибо Тебе, Господи, спасибо...» – мысленно перекрестилась она. И улыбнулась. – Да, мы обязательно поможем тебе, ты только выздоравливай, набирайся сил, а потом расскажешь обо всём, о чём сама предпочтёшь сказать.

– Спасибо... – вздрогнула девушка, и глаза её невольно затуманились, но не заплакала. – Я... у меня... – повела она рукой, как бы желая что-то сказать, но, видимо, смущаясь присутствия Андрея.

– Да, ребёнка ты потеряла, к сожалению... – скорбно вздохнула Таисия, поняв её. И тут же решила приободрить её. – Но ничего, не переживай уж очень – ты ещё молодая, главное, что жива и здорова, а дети, Бог даст, ещё будут. Так что ни о чём не тревожься и старайся больше спать, тебе надо отдыхать и набираться сил. А мы с сыном побережём покой твой.

– Вы... вы же не прогоните меня, когда встану на ноги?.. – с мольбой подняла она глаза. – Мне некуда идти...

– Ну что ты, доченька... Ты же для меня – что ангелочек небесный...

– Спасибо... – слабо шевельнула она губами, прикрывая лицо пододеяльником, чтобы скрыть слёзы свои и слабость.

Мать с сыном вышли из спальни и тихо прикрыли за собой дверь.

– Видно, что горе у девочки... – вздохнула мать.

– Да, мама, видимо, так – кто-то сильно обидел её... – со-

гласился Андрей. — Ах, мама, видела бы ты её глаза, когда я нашёл её в лесу. В них было столько боли и страха, что напоминала она собой загнанного в капкан зверька, растерянного и напуганного. А такая молодая...

— Скажу более, — улыбнулась мать, посмотрев сыну в глаза, — и симпатичная, и милая очень...

— Да ещё мне кажется, что и человек она хороший... Не знаю, каким надо быть зверем, чтобы довести до такого состояния и вынудить бежать...

— Мало ли на земле злых и жестоких людей. Но ничего, всё уже позади, скоро она придёт в себя, наберётся сил и, надеюсь, сама нам обо всём и расскажет. И кажется мне, что это судьба, что она попала к нам... — загадочно высказалась мать.

Время шло, и девушка постепенно возвращалась к жизни. Они привыкли к ней, а она — к ним. Выяснилось, что звать её Марьям и что она из Дагестана. Да и она перестала их бояться и радовалась им, словно ребёнок, вдруг вновь обретший родных и близких ему людей. И хотя всё ещё робела перед Андреем, но уже не была так скованна, позволяя и себе, и ему шутить и смеяться. Мать иногда тайком смотрела на них и, радуясь их общению, тому, как сын возвращается к жизни, строила планы один светлее другого. Пусть пока ещё это общение напоминало близость брата и сестры, но в дальнейшем эти чувства могли перерасти в любовь и осчастливить не только их молодые сердца, но и её сердце — полное мате-

ринской любви. И она не раз тайком вытирала слёзы радости и счастья. Мрачные мысли её сдуло как ветром, и она мечтала теперь только о хорошем, строя в планах своих счастливое, полное жизни будущее. Кто она? Что случилось с ней? Как она очутилась в этих местах? Вопросов, конечно, было много. Но разве всё это имело значение, раз Сам Всевышний направил её к ним и сделал всё, чтобы свести их, чтобы...

– Ой!.. – спохватилась Таисия Николаевна. – Размечталась я тут, Господи... А что, если она, когда полностью выздоровеет и наберётся сил, захочет уйти?.. – испугалась она. – Нет, нет, Господь такого не допустит, не просто же так Он свёл нас с ней... – и перекрестилась. – Господи, помоги... помоги нам, Господи... – Но занозой в сердце лезли в голову и другие мысли: – Но... она же мусульманка, она... И захочет ли она?.. – пугали её эти мысли. – Да нет же, так не должно быть!.. Разве Бог не один и не Един для всех? Это люди разделились, расколов Веру на секты, а Бог-то один... Господи... Господи, как же я об этом-то не подумала, как случилось, что я позабыла о том, что она другого вероисповедования?.. Боже... Боже... Дай мне сил и ума разобраться в этом, – рассуждала она, вспоминая, как часто они с Андреем горячо обсуждали эту тему. Но какие бы доводы ни приводила она в свою пользу, сын всегда брал верх. – А может, сын найдёт подход и сможет убедить Марьям?.. Она ещё совсем молодая... – цеплялась она за надежду. И снова начала успокаивать сама себя: – Она же умная девочка, она всё пой-

мёт. Ведь это сам Бог привёл её и свёл с нами, – с улыбкой облегчённо вздохнула Таисия, как будто уже во всём убедила Марьям. – Да и имя у неё чудесное – Марьям, Мария...

А между тем Андрей и Марьям всё теснее общались друг с другом, радуясь словно дети, когда оставались одни, и с каждым днём становясь друг другу всё ближе и дороже. Теперь даже и Марьям всё чаще обращалась к Андрею на «ты», лишь иногда переходя на «вы».

– Андрей, а вы были женаты? Или... – задумалась Марьям, стараясь быть деликатнее, и, передумав, просто сказала: – Расскажите мне о себе...

– Марьям... – сделав паузу, вздохнул Андрей, – опять ты со мной на «вы»...

– Ой, простите... – улыбнулась она. – Прости, я это как-то машинально, по привычке.

– Да что рассказывать, ничего интересного в моей жизни не было. – И улыбнулся. – Пока не появилась ты. И... знаешь, не хочу торопить ни тебя, ни события, но, честно признаться, очень хочу узнать о тебе всё – всё-всё-всё. – И тихо засмеялся чему-то. – Вот не думал, что когда-нибудь стану таким разговорчивым. С тобой я могу говорить вечно, и это всегда доставляло бы мне удовольствие и радость, – улыбнулся Андрей. – До тебя жизнь моя была тусклой и скучной, а ты – стала цветочком моей жизни, – сказал он ей и подумал: «Мне очень хотелось бы называть тебя любимой и родной...»

– Да какой я цветок... – печально вздохнула Марьям. – Скорее, я была сорняком для родных. Вот и сорвали они меня со своей грядки и швырнули на улицу, под ноги бессердечной толпы...

– Прости... Я не хотел сделать тебе больно, прости... – нежно сжал он ей руку.

– Да нет, Андрей, это ты прости меня, что... – задумчиво прикусила она губу.

– Ты права, было в моей жизни и хорошее – но это был только миг. Влюбился я в девчонку одну и строил в мечтах своих счастливое, светлое будущее. Но в один день все мечты мои лопнули, как мыльный пузырь.

– И что, она... не вышла за тебя замуж?

– Да нет, вышла. Я был очень счастлив... – задумался Андрей, вспоминая свои счастливые дни, промелькнувшие, словно сон.

– И что... с ней что-то случилось?

– Всё банально просто, полюбила другого и ушла к нему – к моему лучшему другу...

– Боже мой... Если Бог есть, почему Он такое позволяет?..

– Не знаю. Наверное, испытывает нас... Хотя кто Его знает, есть ли Бог на свете...

– Астахируаллах... – невольно вырвалось у Марьям. Хотя она и сама не особо почитала религию, но даже одно упоминание о Всевышнем наводило на неё страх. Она не особо молилась Ему, но и кощунствовать боялась. Ей ли знать, что

там на небесах... Но она была уверена, что нельзя беспричинно ссылаться на Всевышнего, упоминая имя Его налево и направо. Страх перед Всевышним и силами небесными был у неё в крови. Свои порывы и желания, стремления свои она принимала как ниспосланные Всевышним и не понимала, за что же Он так наказывает её. За всю свою жизнь она ещё никогда и никому не причиняла зла, стараясь делать только хорошее и дарить людям радость и счастье. Да и тогда, когда её насильно, в слезах, выдали замуж за сына богача Хасбулата, полоумного и некрасивого Ибрагима, она не могла никак смириться, сколько бы ей ни твердили, что это её судьба. Она плакала, ползала на коленях перед ним, стараясь разжалобить и умоляя его отказаться от неё. Но Ибрагим был уродом не только лицом и телом, но и душой. И в дальнейшем он так и остался равнодушно бесчувственным к её страданиям, обращаясь с ней по-скотски. Но, к счастью, ласки Ибрагима длились недолго, если можно было так называть эти его прикосновения к ней. Она прожила с ним около года и почти уже смирилась с участью своей. Денег было достаточно, и она ни в чём не нуждалась. Разве только в глазах её не было искорки жизни – лишь одна покорность. О счастье тут не было и речи. И о любви, которая была знакома ей лишь по страницам книг, она больше и не мечтала. Она готовила, стирала, купала мужа, который радовался этому, как малыш. Может, всё бы так и продолжалось, и длился бы этот ад её всю жизнь, если б...

Однажды по пьянке Ибрагим в азарте картёжной игры с другом детства Курбаном поддался уговору выставить на кон жену Марьям. Проиграв, он оставил их одних и спокойно ушёл гулять. Марьям находилась в спальне, когда Курбан, пьяно улыбаясь, вошёл к ней в комнату. Сначала она не могла понять, что происходит. А когда он стал домогаться её, начала сопротивляться и кричать, но на помощь ей никто так и не пришёл. Курбан изнасиловал её и оставался с ней до тех пор, пока не вернулся домой Ибрагим. Первой мыслью её было свести счёты с жизнью, но она уже так устала, что не могла сопротивляться. Вдруг ей стало всё безразлично, она даже перестала понимать, кто с ней – Курбан или муж. Да и какая в этом была разница, если она возненавидела их обоих. А мужа – вдвойне...

Утром, проплакав всю ночь, она ушла от него. Но мать и братья не поддерживали её, ругая и требуя вернуться к мужу.

– Убейте меня, но я не вернусь в этот дом... – рыдала Марьям, не смея даже рассказать им, что случилось. Но Ибрагим как ни в чём не бывало нагло приходил к ним вместе с отцом и требовал вернуть ему жену.

– Их обручил мулла, и она ему жена по шариату, – хмурился Хасбулат. – Он ей развода не давал и имеет право полной власти над ней.

– Да, она моя жена... – словно сова, смотрел на них Ибрагим. – Я теперь не могу жить один, пусть вернётся и живёт

со мной.

– Да, ты прав, – успокаивал его Саид. – Но потерпи немного, не убивать же её, пройдёт время – сама вернётся... Лишний рот нам ни к чему, – смеялся Саид. – Так что скоро моя жена сама выживет её из дома.

– Я по ней скучаю... – глупо улыбнулся Ибрагим и, посмотрев на отца, опустил глаза.

– У меня дела, поговорите уж сами, – попрощался Хасбулат и ушёл, названивая кому-то по телефону.

– Да ладно, ладно, будет тебе твоя игрушка, – улыбнулся Саид, похлопав Ибрагима по плечу. И подумал: «Везёт же дурачку на родителя, не то что мне. Всё самому приходится делать. Хорошо хоть жена досталась не из бедной семьи. А вот Ахмеду повезло больше, женился на вдове милиционера. Пусть и старше на пять лет, но зато с квартирой в центре столицы, да и с работой помогла ему».

– Ты обещаешь?.. – снова глупо улыбнулся Ибрагим, приоткрыв рот.

– Обещаю, обещаю...

– Если вернёшь, я тебе денег дам...

– А сколько? – сразу среагировал Саид.

– Не знаю... Сколько ты хочешь?

– Пять тысяч...

– Хорошо...

– Нет – десять...

– Я согласен... – протянул руку Ибрагим, и вновь на лице

его отразилась глупая улыбка.

– По рукам, – пожал его руку Саид, всё ещё думая: «Уж не продешевил ли он тут, а может, Ибрагим дал бы и больше... Видимо, он привык к ней и скучает теперь...»

Саид был вторым ребёнком в семье после Ахмеда, который после учёбы так и не вернулся в село. Нашёл себе жену, которая устроила его на неплохую работу. Но, как бы то ни было, он всё время жаловался, что денег всегда не хватает – то это надо, то другое. Конечно, это если жены не бывало рядом – она была щедрой и доброй женщиной. Так что, как бы Саид ни ждал помощи от старшего брата, тот ясно давал понять, что помогать никому не собирается и будет жить своей жизнью. Разве лишь иногда привезёт матери халат или платочек или спросит: «Как здоровье, мама? Как живёшь?.. Может, денег тебе дать?» – зная наперёд, что мама откажется от денег. «Много ли мне надо, дети мои, главное, чтобы у вас всё было хорошо. И следите, чтобы сестра ваша нас не позорила...» Вот они и толкали её обратно к постылому мужу Ибрагиму, которого она уже и видеть не могла без содрогания. Прошла уже не одна неделя, но Марьям не поддавалась ни на какие уговоры вернуться к мужу. Уже и не знали, что делать. Но жена Саида Ашура расставила всё по местам:

- Саид, мне кажется, сестра твоя в положении...
- Что?! Ты это серьёзно?.. – выпучил глаза Саид.
- Да. Я уже несколько дней замечаю, как тянет её к солёным... И часто к унитазу бежит после еды...

– Может, отравилась?..

– Несколько дней?.. Да вряд ли...

– Да-а, мы такого и предположить не могли. Неужели она понесла ребёнка от этого дурачка? Или тут что-то не так...
Надо бы матери сказать.

– Да, наверное, надо. И лучше вернуть её к мужу, пока не поздно.

– А вот и мама, легка на помине, – обрадовался Саид.

– Что случилось? – грубо сразу с порога спросила Ханум. – У вас такие лица, будто блоху проглотили.

– Хуже, мама, хуже... Моя сестра, твоя дочь, понесла от этого дурачка, а мы до сих пор так и не смогли уговорить её вернуться к мужу.

– А что её уговаривать – волоките её к нему силой, а там уже пусть сами отвечают за неё, – строго сказала мать, невзлюбившая дитя своё с рождения. – Иначе кто нам поверит, что она не на стороне нагуляла ребёнка. Мне такого позора ещё не хватало на старости лет. – Даже не каждая мачеха так обращалась бы со своей падчерицей, как она с дочерью родной, которую родила и сама вырастила. Невзлюбила она её – и всё. А за что – может, она и сама не смогла бы ответить. Может быть, за её покорность и доброту, за любовь, что исходила от неё, за то, что покойный муж её, отец её детей, девочку любил больше всех, даже больше сыновей, которых она обожала, ни в чём не отказывая им, потакая во всём, подкармливая тем самым их эгоизм. Ханум не

могла спорить с мужем и поэтому всю свою злобу перенесла на дочь, любимицу мужа, возненавидев её с самого детства. Конечно, была и другая причина её злобы к родной дочери. Если беременность на сыновей проходила у неё легко и безболезненно, то с беременностью на Марьям всё было иначе. (Кстати, имя дочери дал отец.) Тяжёлыми были и роды. Марьям не спешила на свет и пребывала в утробе матери уже десятый месяц, когда у Ханум начались схватки. Воды вышли, а у Ханум уже не оставалось сил помогать ребёнку появиться на свет. Даже врачи растерялись и не знали, что делать. Кого спасать: мать или ребёнка? «Пожалуйста, сделайте что-нибудь... Спасите мне их...» – умоляли глаза Юсупа. Оставался единственный выход – кесарево сечение. Каждая минута была дорога. И врач-акушер Айшат Курбановна не теряя времени взялась за операцию. И эта её решимость спасла две жизни – матери и ребёнка. Так и появилась на свет Марьям, весом более четырёх килограммов. Ребёнок рос крепким и здоровым, несмотря на то, что мать лишилась молока и более года пребывала в тяжёлой послеродовой депрессии. На дочь она не то что не хотела – не могла смотреть. Кормили девочку коровьим молоком. И пока мать болела, за скотиной приходилось ухаживать Юсупу с Ахмедом, а Саиду поручили смотреть за Марьям. Вот он и невзлюбил сестру свою с малых лет. Надо же, думал он, наказание какое, другие мальчишки играют в футбол, гоняя мяч во дворе с утра до вечера, а он... И мама из-за неё заболела... Если б не она...

Придушить бы её... Мыслью «придушить» страдала и мать. А может, и придушили бы, если б только не страх перед отцом. Юсуп души не чаял в малышке, сам её купал, пеленал и даже кормил с бутылочки, когда находил время. Бывало, даже пел колыбельную. Ребёнком радовался первой улыбке дочери и первым её шагам. Ей был годик, когда стала разговаривать, а ходить начала ещё раньше. К шести годам Марьям знала весь алфавит и читала. Всё свободное время Юсуп посвящал дочери, играл с ней, читал ей сказки; может, это и породило в ней тот необычный, в сравнении с сыновьями, интерес к книгам. Но совсем другим было отношение к ней матери. Мать болезненно возненавидела дитя своё, считая её причиной всех своих бед, которые пришлось претерпеть с первых дней, как она зачала её: токсикоз, стресс, варикоз, шрам на животе и глубокая депрессия, от которой временами становилось не по себе даже и теперь. Если при муже она сдерживалась, то в его отсутствие Ханум давала волю своим эмоциям, всячески выплёскивая их на дочь, ругая и гоняя её с угла в угол и даже не задумываясь над смыслом изрекаемых в гневе слов. Какими только словами ни обзывала она её в отсутствие мужа. И однажды дочь, не выдержав, пожаловалась отцу.

– Папа, ты не уходи, пожалуйста, не оставляй меня одну с мамой и с братьями – страшно мне, когда тебя нет. Все меня ругают и пинают, пугают чертями. – Ей тогда было всего семь лет.

– Что такое, радость моя, кто пугает тебя?

– Мама... братья... все...

– Что они говорят тебе?

– То и говорят, что, если я буду плохо себя вести, Аллах покарает меня и отдаст на съеденье чертям...

– Даже так?..

– Да, папа.

– А ты, доченька, веди себя хорошо и слушайся их.

– Я стараюсь вести себя хорошо, но им это всё плохо.

– Марьям, красавица моя, ты младшая и ты должна делать, что они скажут, слушаться их.

– Я их слушаюсь, папа, но они всё равно ругают. Это по-мой, там подмети, здесь убери... Сами ничего не делают и ещё меня лентяйкой обзывают...

– Понимаешь, дочка, мужчины у нас не моют посуду и не подметают – так сложилось, вот потому они и командуют. Ничего, ты по мере сил помогай маме. Я же знаю, ты девочка не ленивая.

– Я и говорю им: вот уроки сделаю, потом и уберусь. А они ругают... – заплакала она, – и даже бьют...

– Что ты говоришь, радость души моей, неужели это правда – они подняли на тебя руку?..

– Да... – разрыдалась Марьям, прижимаясь к отцу.

– И ты не наговариваешь на них?..

– Нет... Правда это, правда!..

– Успокойся... успокойся, родная, я верю тебе... – с лю-

бовью посмотрел Юсуп, вытирая слёзы на лице дочурки. – А мама что?

– И мама ругает... – вновь разревелась она. – Почему... почему они не любят меня?.. Не сестра ли я им?.. Не дочка ли я маме?.. За что они так со мной?.. – с содроганием в голосе сказала Марьям, словно взрослая.

– Ну что ты, моя красавица, мы все очень, очень любим тебя, поверь мне. Просто братья твои старше тебя и хотят, чтобы ты подчинялась им. Они же мальчишки – будущие мужчины, джигиты, потому и мама учит тебя подчиняться мужчине. Так у нас принято, понимаешь...

– Не любят... не любят... Они хотят моей смерти...

– Не говори так, дочь моя, – рассмеялся Юсуп, ласково прижимая к груди любимого ребёнка. – А может, они просто ревнуют из-за моей любви к тебе. Ничего, я поговорю с ними, и всё уладится.

– Не уходи... – прижалась она к нему, – не уезжай...

– Марьям, ты же у меня умница, выросла уже и должна понять, что я не могу не ехать. Иначе кто будет нас кормить, одевать, обувать? Я понимаю, ты не хочешь, чтобы я уезжал, – да и я не хочу этого, но – надо. Пойми меня... Хорошо? Будь умницей, как всегда, – улыбнулся он. – Ничего, я скоро приеду и строго-настрого поругаю их, хорошо... – и ушёл, нежно коснувшись губами её щеки. Юсуп оставался на заработках почти полгода. А когда его не было дома, Марьям чувствовала себя птичкой, запертой в мрачную клетку.

– Как ты, радость моя?.. – Как только вернулся домой, Юсуп в первую очередь прижал к груди дочь, лаская и даря ей подарки. Жена с сыновьями, переминаясь с ноги на ногу, молча наблюдали за ними, ревнуя, завидуя и умножая обиду. – Ну, кто на этот раз обидел тебя? – целовал он её, строго, но с любовью изучая родные лица жены и сыновей.

– Папа... как долго тебя не было... – прижималась к нему Марьям, забыв от счастья и радости все свои обиды. «Да что там какие-то обиды, когда папа рядом...»

Но однажды вечером, вернувшись домой с чьей-то свадьбы, слегка выпив, он ещё с порога услышал, как ругали и кричали на Марьям. Он замер и стал прислушиваться. И более всего его поразили слова жены, её голос, который терзал, словно когти орла. Больше всего усердствовали мать и Саид.

– Попробуй только отцу пожаловаться, в хлеву ночевать будешь, как он уедет... – пугал сестру Саид. – Что ты постоянно заставляешь себя ругать?!

– Мне два предложения осталось дочитать... – виновато потупила взор Марьям и судорожно вздохнула.

– Нам твоя учёба не нужна – не женское это дело, – ругала мать. – Желание брата для тебя закон. Сказали – сделала, и немедленно, без всяких «сейчас». А посуду кто мыть будет?

– Я же в хлеву убиралась, мама...

– Ты опять с матерью пререкаешься?! – огрызнулся Саид и замахнулся. – Как дам сейчас, чтобы мозги вправить...

– И вы хороши!.. – накинулась мать на сыновей. – Что

за мужчины вырастут из вас, если родную сестру не можете держать в страхе, чтобы от одного голоса вашего дрожала... Сказали – выбейте мозги, но заставьте сделать. Девочек надо держать в строгости, а не баловать их, как ваш отец. А то что из неё вырастет, если будет делать что вздумается?.. Шалава – вот кто!.. Сейчас учиться она хочет, потом захочет поступать, а там и гулять потянет... И загуляет – опозорит всех нас... Вы этого хотите? Чтобы сестра проституткой выросла?..

– Мама, не надо!.. – заплакала Марьям. – Я же ничего плохого не сделала, попросила только...

– Молчи, сучка!.. – Ханум дала ей пощёчину, заставив разрыдаться.

Юсуп, не в силах больше сдерживать себя, в гневе ворвался в дом.

– Ханум!.. – в первый раз по имени обратился он к жене. – Ты... ты что, с ума сошла!.. – И тут он резко схватился за грудь, скорчившись от боли, и, разом ослабев, всем телом осел на руки подхвативших его сыновей. Ханум побледнела и не смогла сдвинуться с места. Марьям в слезах бросилась к отцу: «Папа... родной... любимый... жан, папа, что с тобой?..» Оказалось, у Юсупа случился инфаркт, и не первый уже. А ещё через три года новый обширный инфаркт стоил ему жизни. После смерти отца Марьям не пустили в школу – это было решение матери. Ханум считала, что девочкам учёба необходима так же, как телеге пятое колесо.

«Я научу свою дочь, как жить, гораздо лучше, чем все эти учителя, – говорила мать, решив поставить точку в учебной практике дочери. – Писать-читать умеет – достаточно, хватит с неё...». – Не пустила дочь в школу и на следующий год. Но затем пришли какие-то люди и долго говорили с матерью. После чего Марьям, к огромной радости своей, снова возобновила занятия в школе, жадно поглощая знания и став лучшей ученицей в классе. Она рассуждала не по годам, мечтая о светлом будущем, а ночами ей снился свободный счастливый мир, где все любили и уважали друг друга. Но чем больше взрослела, тем яснее понимала, что так бывает только в сказках и что ей никуда не деться от судьбы, которая уже предрешена волей небес и могуществом Аллаха. Родные обходились с ней хуже, чем вовсе чужие ей люди, но тем не менее она не могла не любить их. А как же иначе? Это же дети так любимого ею отца, братья её, и мать её – родная... И поэтому как могла старалась угождать им. Ухаживала за скотиной, стирала, готовила, но после отца ни от кого из них так и не услышала доброго слова. Всё, что она делала, принималось как должное, словно она была их рабыней, а не родным и близким человеком. А более удивительным было то, что ей при этом удавалось ещё хорошо учиться и быть в школе одной из лучших. Но, к сожалению и к её огорчению, о поступлении в какой-либо университет она и мечтать не могла, хотя... Всё же однажды, не выдержав терзаний души, мечтая о свободе и счастье, она решилась на разговор с матерью:

– Мама, я хочу подать документы на юридический факультет, пожалуйста, отпусти меня. Всю жизнь буду тебе благодарна...

– Отпустить... тебя?..

– Да, мама, пожалуйста, я умоляю тебя... – в слезах посмотрела она на мать.

– В город?.. Одну?..

– А что тут такого, мама?.. – послушно умоляла она.

– А то, что в городе кяхба-хана¹, куда ни глянь... И все там гулящие...

– Ну зачем ты так, мама? Люди везде одинаковы – есть и хорошие, есть и плохие. Вот у Ахмеда жена, например, в городе родилась, выросла, а человек – прекрасный.

– Скажешь тоже. Не успела мужа похоронить – и год не прошёл, подцепила себе молодого горца. – Ханум до сих пор не могла простить сыну, хотя в лицо ему ничего и не могла сказать, что тот женился на вдове, да ещё другой нации. Хотя жена Ахмеда Айшат была доброй, умной и очень порядочной женщиной. – А дочь Касумбека Заира в сауну устроилась, лишь бы в свой аул не вернуться. И говорят, что там она мужчин всяких за деньги обслуживает.

– Зачем ты так, мама?..

– Как?..

– Из-за одной больной овечки всю отару не режут...

– Хватит умничать!.. Я сказала нет – и точка!

¹ Кяхба-хана – дом терпимости

А через год её выдали замуж, уж слишком было бы глупо не отдавать её – Хасбулат щедро отблагодарил их.

– Вот и не осталось у меня другого выхода, как пойти на хитрость и сбежать, – продолжала рассказ о своей жизни Марьям. – Я согласилась вернуться к мужу, а сама тайком от всех уехала в райцентр, а оттуда – в столицу. Я понимала, что они найдут меня и в городе, поэтому решила бежать в Москву, надеясь, что в Москве мне обязательно помогут. Я была уверена, что в Москве меня поймут и помогут... – в сомнении вздохнула она. – Но денег хватило только до вашего города, куда и взяла билет в надежде на то, что мир не без добрых людей и мне непременно помогут. Я рассказала кондуктору всё как есть и попросила его о помощи. Но, к сожалению, он оказался негодяем. Стал домогаться меня, обещая в своём купе доставить до Москвы да ещё помочь с деньгами, при условии, что соглашусь разделить с ним ложе. Я дала ему пощечину, и он меня высадил согласно билету. Так я и оказалась в вашем городе одна со своим горем, не зная, что делать и к кому обратиться. Я с надеждой смотрела на проходящих мимо людей, ожидая сочувствия и помощи. Я не знала, куда мне пойти. Я умирала с голоду и, словно собака бродячая, жадно набрасывалась на объедки со стола. Больше всего я боялась попасть в руки полицейских, понимая, что так оно и произойдёт. Всё так и случилось. Они забрали паспорт и стали меня допрашивать: как я здесь оказалась? что тут я делаю? почему одна? – вопросов было много.

Я честно рассказала им всё как есть и попросила их помочь. В ответ они только усмехнулись, и я поняла, что мой рассказ никого из них не тронул. И я разрыдалась: «Почему... почему вы мне не верите?!»

– Ну-ну-ну... тут ты, милочка, слезами своими никого не разжалобишь. Много тут шляется народу всякого, мы не обязаны им верить, более того, не имеем права...

– Я же вам всё рассказала...

– Значит, говоришь, не террористка?..

– Ладно... – посмотрел на неё один из них, хлопая её паспортом об ладонь. – Придётся проехать с нами в участок, проверим, что ты за птичка... И если всё в порядке, отпустим.

– Пожалуйста, не надо, прошу вас, – затрепетала Марьям. – Отпустите меня, я же ничего не сделала, пожалуйста...

– Если ты чистая, бояться тебе нечего.

– Вы... – обратилась она к третьему лицу, который стоял в стороне и молча наблюдал за происходящим, – вы же командир их, да? Пожалуйста, скажите им, чтобы отпустили меня, ну пожалуйста...

– Да ладно, ребята, оставьте её в покое. Видно же, что она никакая не террористка.

– Да... да... – радостно заулыбалась Марьям, – честное слово, я и врать-то не умею.

– Видимо, Федя, ты прав, так оно и есть, – улыбнулся тот,

в чьих руках был паспорт. – Но раз мы её остановили, то её могут задержать и другие полицейские...

– Точно! Как же я не подумал о том – это мысль! – задумчиво почесал подбородок Федя. – Ну-ну, развивай мысль дальше...

– И вот чтобы избежать такого развития событий и в дальнейшем, дабы помочь нашей очаровательной... – посмотрел тот в паспорт, – Марьям, мы сейчас, жертвуя своим временем, поедem в участок и напишем там для неё справку, что она непричастна к террористам и нет никаких оснований в дальнейшем её задерживать. Мы всё-таки живём в свободной стране, – заулыбался он.

– Гена, ты гений... – улыбнулся Федя.

– Я... я не совсем поняла... Это... – Упорно не хотелось ей садиться к ним в машину.

– Это крайне необходимо – для твоего же блага... – уважительно подтолкнули её.

– Дадим тебе справку с печатью, чтобы в следующий раз никто к тебе не приставал. А может, и начальника уговорим хоть небольшую сумму денег выделить: человек – человеку...

– Поняла теперь?

– Что?.. А... Да-да... – закивала она головой. – А что, есть такая справка?

– Вот даёт деревня!.. – заулыбались они её наивности.

– Да такая справка значит больше твоего паспорта... – за-

кивал головой Гена.

– Да?.. – И подумала: «Может, и вправду хотят помочь...»

– Ну да... – рассмеялись полицейские. – Ты ещё нам спасибо скажешь.

– Ладно, ребята, поехали, – улыбнулся Гена, предложив Марьям следовать с ними. – Девушке надо помочь...

– Да, конечно, обязательно поможем, – подмигнул ей Федя.

– Если негде переночевать, то можешь остановиться у нас, – снова с улыбкой обратился к ней Гена. – С женой познакомлю, – рассмешил он своих друзей.

В машине Марьям расслабилась и, утомлённая своими переживаниями, тут же уснула. Проснувшись от прикосновений чужих рук и какое-то время не могла сообразить и понять, где находится и что происходит. Машинально, обеими руками сжав кофту на груди, пружинкой вжалась вглубь машины. Уже сгустились сумерки, и было почти темно. Машина стояла на обочине, возле опушки леса. Надвигалась бесприсветно хмурая ночь.

– Ну что, южная красавица – глазки голубые, может, сама разденешься? – усмехнулся ей в лицо Гена, от него несло перегаром. Это они к концу смены сообразили на троих, – хоть одежду свою сбережёшь... – снова рассмешил он друзей.

– Нет... не надо... – заметалась Марьям, но деваться ей было некуда. – Ребята... вы... что вы задумали?..

– Хотим малость поразвлечься с тобой...

– Я... я не хочу... я не могу... я... – дрожала всем телом Марьям, ища сочувствия хоть с чьей-то стороны.

– Что ты девочку из себя корчишь... – задержал правым глазом третий, неизвестный по имени. – Быстро разделась, пока одежда на тебе целая...

– Не надо... прошу вас... пожалуйста... – заплакала она.

– Что ты ревёшь, сучка!.. – оскалился тот и дал ей пощечину. – Никто убивать тебя не собирается...

– Проверим, какая ты на деле, – и отпустим... – улыбнулся Гена. – У тебя прекрасные глаза, как чистое небо, а ты их увлажняешь и туманишь. Зачем?..

– И не заставляй нас применять силу...

– И не ори!.. Никто тебя не услышит...

– Я... я... я... – затянула Марьям, всхлипывая, и стала машинально расстёгивать блузку.

– Умница! Так бы давно... – усмехнулся Гена, проведя ладонью по щеке Марьям. – Я же говорю, всегда можно договориться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.